

Михаил ГРАЧЕВ
(Нижний Новгород)

Описание «Искусственных языков» в словарях В. И. Даля

The Description of “Artificial Languages” in the Dictionaries of V. I. Dal (Dahl)

The article is devoted to the analysis of the little known vocabulary used in the lexicographical works of V. I. Dal.

The author describes the lexicographer’s glossaries that have not been previously published. He insists that Dal has been the first scholar to pay attention to the social variants of the Russian language. Social dialects are characterised, special emphasis is placed on argot and patters.

The article touches upon the combined nature of argot and other issues of interest like slangs and pidgin elements. The classification of social language variants in Dal’s works is given for the first time.

The author polemizes with V. I. Dal in terms of the jargon of barge haulers and gives unquestionable facts.

Key Words: V. I. Dal’s dictionaries; the combined nature of argot; slangs and pidgin elements; Dal’s classification of social language variants; polemic with Dal about the jargon of barge haulers

В. И. Даль был одним из первых собирателей и исследователей социальных вариантов русского языка, считая их инородным материалом в русской лексике. «Скажем, для полноты, несколько слов о языках искусственных в России, – писал он, – хотя это предмет более или менее посторонний [Даль 1994: 14–17].

В. И. Даль включил в свои словари живую лексику различных социальных вариантов, именно те слова, которые нигде не были зафиксированы. Благодаря знаменитому лексикографу, до нас дошли уникальные слова и выражения различных социумов России.

Даль обогнал время: его рассуждения свидетельствуют о том, что он уже видел в зачатке изучение социальных вариантов языка. Об этом лексикограф говорит в разделе «Искусственные языки» [см. Даль 1994: 14–17]. Под ними следует понимать не только создание пластов слов волевым способом, но и те, которые создаются произвольно и используются определённой социальной обособленной группой, например, уголовниками, бурлаками и проч. Между тем, в его «Толковом словаре живого великорусского языка» имеется гораздо больше социальных вариантов языка, чем в заявленном разделе «Искусственные языки». Очень много пословиц и поговорок знаменитого уголовника Ваньки Каина (XVIII в.) он использует в своём фундаментальном труде «Пословицы русского народа» [см. Даль 1984: 7]. А это – фразеологизмы криминальных элементов – также единицы языка.

В словаре Даля зафиксирована профессиональная лексика различных социальных групп населения, начиная от духовенства и интеллигенции и кончая уголовниками и нищими.

Все социодialeктологические работы В. И. Даля следует разделить на опубликованные и рукописные. Причём опубликованными их можно назвать условно: ряд социодialeктизмов зафиксирован в его «Толковом словаре живого великорусского языка» [Грачев 2001:4] Неопубликованные труды находятся в Санкт-Петербурге в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Словарь офенского языка» [Рукопись 1850-е гг.] [Даль 1850], «Словарь языка шерстобитов (костромских и нижегородских), «Словарь русско-офенский. Писарская копия в переплёте [1854–1855], [Даль 1854–1854], «Словарь языка владимирских ходябщиков» [1860-е гг.] [Даль 1860], «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки, или байкового языка» [Даль 1842].

Мы можем лишь предполагать, почему работы не были опубликованы. Возможно, сказывалась большая загруженность В. И. Даля: в начале 60-х годов выходит его знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка». Подготовка к его выпуску, ответы на замечания критиков и переписку занимают всё время лексикографа. (Хотя и сам В. И. Даль писал в предисловии к «Толковому словарю живого великорусского языка»: «Может быть, я приложу, в конце словаря, словарики офенский и шерстобитов» [Даль 1994: 17]).

Но скорее всего В. И. Даль не мог преодолеть инертность своего времени: прежде всего пренебрежительное отношение к «низкой вульгарной» речи

Описание «искусственных языков» в словарях В. И. Даля

филологов, а может быть, и излишнюю «целомудренность» учёных или цензуры.

Хотя нам неприемлема «цензурная» точка зрения некоторых лингвистов: в худшем случае могли запретить публикацию словаря «Условного языка петербургских мошенников» [Даль 1842], но и это было бы маловероятно. Ведь цензура разрешила опубликовать роман Вс. Крестовского, где встречается большое количество арготизмов, и, кроме того, в «Северной пчеле» было опубликовано «Собрание выражение и фраз, употребляемых в разговоре Санкт-Петербургскими мошенниками» (1859 г.) [14], странным образом похожее на неопубликованный далевский «Условный язык петербургских мошенников» и по названию, и по расположению материала, и по лексическому составу. Автор при нём не был указан. Можно предположить, что данный материал как-то связан с упомянутой лексикографической работой В. И. Даля. Любопытно, что фрагменты «Условного языка петербургских мошенников» употребляются в «Голковом словаре живого великорусского языка», особенно та часть, которая представляет собой примеры употребления арготизмов. В то же время в «Голковом словаре живого великорусского языка» можно обнаружить гораздо больше арготизмов воров-карманников, чем в «Условном языке петербургских мошенников» и в словарных статьях даётся более подробная их характеристика.

Следует заметить, что «Условный язык петербургских мошенников», датируемый 50-ми годами, уже был подготовлен к публикации, но что-то помешало его выходу в свет. Утверждения некоторых исследователей, что Даль, при составлении словника, воспользовался в качестве источника книгой Вс. Крестовского «Петербургские трущобы», лишены основания: по мнению С. В. Максимова, «Условный язык петербургских мошенников» был составлен В. И. Далем в 1842 году. [12]. Опять-таки парадоксальное несходство в датах: В. И. Даль приехал в Нижний Новгород в 1849, словник датируется 1842 г., а рукопись 50-ми годами XIX в.

В. И. Даль является первым лексикографом, который обратил внимание на арготизмы – лексику криминальных элементов. До этого труда арготических словарей (словников) не было. В его словнике имеется около ста шестидесяти лексем и двадцать примеров словоупотребления.

Арготизмы лексикограф собирал в г. Петербурге, но фактически они использовались криминальными элементами по всей России.

Исследователь А. Л. Топорков писал: «Беловой автограф (ориентировочно датирован 1850-ми годами, однако сам словарик, по-видимому, был составлен раньше. В 1869 г. им пользовался известный писатель и этнограф С. В. Максимов при работе над статьёй «Тюремный словарь. Искусственные (байковые, ламанские, кантужные языки), помещённые в приложения к I тому его книги «Сибирь и каторга». С. В. Максимов сообщал: «Музыка, или

словарь карманников, то есть столичных воров, которым мы пользуемся в настоящем случае, составлен в 1842 году, проверен и дополнен сообщениями новых и подтверждением старых слов в прошлом 1869 г.» (Максимов 1871: 446). Фразы на «байковом языке», которые приводит С. В. Максимов, заимствованы им из словарика В. И. Даля [Топорков 1990:133]

«Условный язык петербургских мошенников» – это словник: лексемы в нём были расположены не по алфавиту, отсутствуют грамматические пометы, контекст был приведён отдельно от слов, кроме того, в него был включён и ряд просторечных слов, известных всем петербуржцам: *барчук* – «господин во фраке», *толкун* – «рынок», *чебурахнуть*, *хлобыстнуть* – «ударить» и др. В некоторых случаях приведена лишь форма слова, см., например, *вытурен* (краткое причастие) – «выгнан из столицы» (Контекст: *Он ведь уже ел миноги и вытурен, так не чиста была его бирка.* – Он уже наказан плетями и выслан, так как паспорт был фальшивым). [Даль 1842]

Последующие словари, художественная и документальная литература подтверждают использование данных арготизмов ворами-карманниками, часть из зафиксированных В. И. Далем специализированных арготизмов употребляется и современными ворами-карманниками. Вероятно, данная «профессия» уголовников уже в то время была классической воровской специальностью.

Вместе с тем в словарном материале, собранном В. И. Далем, имеются специализированные арготизмы конокрадов (*скамейка* – «лошадь», *рубашка* – «конская сбруя»), воров, специализирующихся по кражам из домов и квартир (*серёжка* – «замок», *мальчишка* – «долото», *вертун* – «коловорот», *мычки* – «отмычки; поддельные ключи»), воров с повозок и экипажей (*мякоть* – «подушка с экипажа»), грабителей (*выхаживать* – «вырывать, выхватывать», *сворочать бурку* – «огрбить на улице») и др., а также лексемы тюремного арго (*блошница* – «арестантская камера в отделении полиции», *новокрещёнец* – «человек, впервые попавший в места лишения свободы»). Приводя арготизмы разных групп уголовников, В. И. Даль одним из первых указал на существование широкой разветвлённой преступности, у которой была и своя воровская школа (этот факт, например, подтверждает арготизм *жулик* – «малолеток, ученик мошенника»).

В его «Толковом словаре живого великорусского языка» также зафиксировано около трёхсот лексем уголовного мира, причём они «рассыпаны» по всему словарю. Из них большое количество занимают слова шулеров, которые лексикограф почему-то не причислил к арго (например, *мельница* – «склеенная двуличная карта», *кругляк* – «укладка карт в определённом, нужном для шулера порядке», *липок* – «мазь, которой склеиваются две карты и даёт возможность вскрыть любую из них», *липковое очко* – «наклеенное на карту очко, которое легко отстает, если сильно ударить картой», *мост* – «шу-

Описание «искусственных языков» в словарях В. И. Даля

лерский приём при игре в карты»). Однако В. И. Даль их по каким-то причинам не относил к арготизмам и не выделял в особую группу. Возможно, это связано с большим распространением данных лексем в среде любителей азартных игр.

Арготизмы, собранные В. И. Далем, отражают и некоторые негативные реалии государственной жизни тогдашней России, например, взяточничество среди чинов полиции, см. примеры: *карман, выручка* – «квартильный надзиратель» (намёк на то, что данный полицейский чин берёт взятки и выручает попавших за преступление уголовников), *слам на крючка* – «доля выкупа на письмоводителя полицейского участка», *слам на выручку* – «доля выкупа на квартильного надзирателя», *слам на ключа* – «доля выкупа на следственного пристава» [Даль 1842]

Из офенских слов В. И. Даль включил в «Толковый словарь живого великорусского языка» наиболее употребительные. Вот как он объясняет их небольшое количество: «коли словарю нельзя верить, коли он набит офенскими, т. е. придуманными словами, вместо природных, то какой же это словарь? Множество таких, офенских, либо сочинённых или искажённых слов я не принял из академического Областного Словаря, большое число их исправил или отметил их офенскими, или ставил при них знак сомненья...» [Даль 1994: 23]. То есть невключение офенских слов он объяснил иными задачами «Толкового словаря живого великорусского языка»: лексемы условного языка, по мнению лексикографа, его бы загромождали. Вместе с тем В. И. Даль приводит в качестве образца ряд слов из условного языка коробейников. См., например, словарную статью *ЛОХ* – «фазиня, шалопай», на офенском: «мужик, крестьянин», псковское. *лоховес*; *ЛОХА* – псковское, тверское солоха, дура, глупая баба, дурища»

Анализ лексики «Словаря русско-офенского» и «Словаря офенского языка» позволяет сделать вывод, что профессиональное ядро в лексике коробейников выражено слабо. В ней должны были бы преобладать лексемы, связанные с торговлей (обозначениями товара, денег, действий, связанных с куплей-продажей и т. п.), однако их очень мало: *колым* – «барыш», *выпулка* – «выкуп», *допулить* – «докупить», *пулить* – «покупать», *жирмашиник, мара, марка, мируха, маршиник, марник, марочник, марушиник* – «гривенник», *лама, ламоха, ломиха, ламник, ломшиник* – «полтинник», *икса* – «копейка», *бессарный* – «безденежный» и некоторые другие. Можно предположить, что ряд названий, связанных с понятиями «передвижение» и «документы», также относятся к профессиональному ядру бродячих торговцев мелким товаром, см. примеры: *безвитерешный* – «беспаспортный», *витерник* – «билет», *витерка* – «паспорт», *вхандырить* – «входить», *вывитереть* – «выписать», *вывитерка* – «выписка», *хлить, хлябать, пнять* – «идти» В основном, лексемы, зафиксированные в словнике, связаны со следующими понятиями: «человек» (*кува,*

куба, кубашка – «женщина», базловик – «плохой человек», плеханицик – «банщик», лохчишка – «деревенский мальчишка», лащенок – «ребёнок», поханя, поханица – «хозяйка», гирык – «старик», гируха – «старуха»), «постройки» (пленья, плёха, плехальница, плеханка, плехань – «баня», каня – «кабак», хаз – «двор», нары, филаты, филоны – «постройки»), «одежда» (бурмак, бурмёха, бурмиха, бурьмиха – «шуба», лопать, лопенье – «одежда», шерстяк – «кафтан», чкары – «брюки», бурмак – «зипун»), «спиртные напитки» (коро – «брага», буско, гамзо, гомсо, гомура, гомозо, комзо – «вино», галаха, херо – «брага», шнаб – «водка», косать, бусать – «пить», бусохий, бусый, бусьяный, кероватый, керый, херый – «пьяный»), «животное» (агер – «жеребец», ловак – «конь», вердоха, донгус – «свинья») [Даль]. В словниках мало лексем, созданных волевым способом: вставкой звуков, заменой слогов, перестановкой слогов и звуков и т. п.

К каждой лексеме условных языков В. И. Даль делает помету, указывающую на место и сферу её употребления, например: *бурить* (вл.) – «игать», *ейла* (кост.) – «есть», *дробь* (маз.) – «розги», *ходара* (ш) – «нога», *болдоха* (гал.) – «солдат» (помета вл. указывает на то, что данное слово употребляется во Владимирской губернии, гал. – в Галиции, кост. – в Костромской губернии, ш. – в среде шерстобитов, маз. – среди мазуриков [преступников]).

В составе арготизмов, зафиксированных знаменитым лексикографом, преобладают русские слова, из заимствований встречаются, в основном, тюркские лексемы. Данный факт подтверждает выводы исследователей (Б. А. Ларина [10], Д. С. Лихачёва [11] и др.), что основной пласт западноевропейских заимствований приходится на конец XIX -нач. XX вв.

В. И. Даль считал, что уже в середине XIX в. было общеуголовное арго, то есть лексемы, которые использовали все разряды криминальных элементов. Это подтверждает словарный материал, см. примеры: *трясогузка* – «горничная», *клёвый маз* – «атаман шайки», *фараон* – «будочник», *яманный* – «негодный, нехороший», *клёвый* – «хороший, красивый, дорогой», *стриканцы* – «ножницы», *зетить*, *стремить* – «зорко смотреть», *сгореть* – «попасться полиции без надежды на освобождение» и др. "В Рязанской и Тверской губерниях, – утверждает исследователь, – записные нищие, мошенники, воры, конокрады говорят почти тем же офенским языком, с небольшими изменениями, называя его *кантюжным*". По его мнению, целые деревни, нищенствуя, знали этот язык» [Даль 1994: 23] Отсюда можно сделать вывод, что какие-то группы офеней были близки к уголовной среде и этот фактор способствовал переходу лексем коробейников в арго. Следует отметить, что В. И. Даль не всегда чётко разграничивал условные языки и арго, считая их вариантами одного социального диалекта. В его неопубликованном труде «Словарь русско-офенский» (1854–1855 гг.) имеется значительное количество арготизмов (например, *бабки* – «деньги», *выручка* –

Описание «искусственных языков» в словарях В. И. Даля

«квартирный надзиратель», *космырник* – «кистень»). Возможно, это было связано ещё и с тем, что офени активно пополняли ряды криминальных элементов; бродячая, полная риска жизнь, профессия, нередко провоцирующая на преступление (обман покупателей, частые кражи и т. п.), – всё это способствовало переходу за грань закона.

Большинство социодialeктизмов, зафиксированных В. И. Далем, понятны. Однако есть такие, в которых наблюдается двусмысленность, например: *захорюродить* – «завербовать» – (в шпионы? в преступники? уговорить на противоправное дело?); *захандыривать* – «заходить» (со стороны? часто заходить?), *косать* – «колотить» (кого? что?), *доначить* – «донести» (кого? что? или на кого?). Определение точного значения слова возможно было бы при наличии контекста, которого, к сожалению, в словарях, в которых зафиксированы условные лексемы офеней и ремесленников, не оказалось.

Можно поспорить с категоричными замечаниями В. И. Даля относительно существования некоторых социолектов. Так, например, он пишет в предисловии к «Толковому словарю живого великорусского словаря»: «...уверяют, будто есть также бурлацкий язык (жаргон – М. Г.) и будто в разных городах Поволжья составляют словарь этого языка. Напрасно: такого словаря не будет, потому что языка этого нет...» [Даль 1994: 23] Однако наши исследования свидетельствуют об обратном. Нами обнаружено около семидесяти жаргонизмов бурлаков, см. примеры: *гусак*, *шишка* – «бурлак, командующий другими», *апостольская скатерть* – «паруса», *орава* – «группа бурлаков», *весло* – «ложка» и др. Утверждения В. И. Даля о том, что от арго волжских разбойников осталось только два выражения – *сорынь на кичку* и *дуван дуванить* [Даль 1994: 23] также спорно. Фразеологизм *дуван дуванить* был общеуголовным устойчивым словосочетанием и употреблялся, как свидетельствуют разбойничьи песни, былины и предания, не только в среде волжских, но и в шайках других разбойников: лесных, разбойников, грабящих на дорогах («*подорожниках*» или «*придорожниках*»), городских грабителей и воров-карманников). Нами обнаружено около 90 арготизмов волжских разбойников, см. примеры: *измываться* – «пытать водой: насильно лить воду в рот» (позднее данное слово перешло в общенародный язык со значением «издеваться»), *притон* – «тайная пристань волжских разбойников», *пустить (красного) петуха* – «выстрелить из ружья», «зажечь дом в деревне» и др.

Даль также размышляет и о бижаргоне. «Столичные, особенно питерские, мошенники, карманники и воры различного промысла, – пишет он, – известные подь именем мазуриков, изобрели свой язык – впрочем, весьма ограниченный – относящийся исключительно до воровства. Есть слова общие с офенским языком. Этим языком, который называется у них *байковымь*, или, попросту, *музыкой*, говорят также всё торговцы Апраксина двора – как надо полагать, по связям своим и по роду промысла». [Даль 1994: 18]

Говоря о бижаргоне, следует упомянуть и так называемый тайный счёт. Вот как о нём пишет сам лексикограф: «Коновалы, конокрады, барышники также составили родъ условнаго мошенническаго языка, еще болѣе ограниченнаго и притомъ образованнаго сплошь изъ перековерканныхъ татарскихъ словъ и татарскаго счета». Но как тогда соотносились между собой эти социумы: то ли они создали одно сообщество и у них был один условный язык? И тогда речь должна вестись об одном преступном объединении. То ли у них была общая группа слов и тогда речь пошла бы о бижаргоне. Об этом сведений нет, так же, как и отсутствуют примеры этих лексем.

Думается, не стоит включать в одну группу социальные диалекты и язык пиджин. (Под последним понимается интенсивное смешение языков, ведущее к образованию устной разновидности, используемой для этнических контактов). Такой язык, по мнению В. И. Даля, был создан русскими и китайскими торговцами. «На Кяхте, – пишет он, – образовался общий с китайцами торговый русский язык или наречие, которого непривычный не поймёт. Это – русские слова, изломанные по китайскому произношению, а речь исковерканная по китайской грамматике, без склонений и спряжений»). [Даль 1994: 17].

Лексикограф ввёл в лингвистический научный оборот термин «музыка» – «арго». Он использовал этот бывший арготизм по той причине, что в отечественном языкознании практически не было терминов, обозначающих лексику криминальных элементов. Это же слово использовал и составитель словаря «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы «В. Ф. Трахтенберг и лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ, написавший предисловие к указанному словарю [Трахтенберг 1908]. Возможно, благодаря последнему сочетание *блатная музыка* – «арго» перешло в разряд лингвистических терминов. То есть оно прошло фактически тот же путь, что и французское слово *арго* (фр. *argot* – «лексика деклассированных элементов» – искажённое от тюремного *ерго* – «шпора петуха», которую французские уголовники носили на поясе: по ней они определяли принадлежность к воровскому сообществу») [Грачев 1997: 8]. Употребляемое В. Далем арготическое словосочетание «*байковский язык*» как синоним к термину *арго* в отечественной лингвистике не прижилось. Обозначения некоторыми лингвистами лексем офеней и ремесленниками условно-профессиональными языками, на наш взгляд, лишено оснований: профессиональное ядро в них занимает незначительное место и преобладает бытовая лексика, напрямую не относящаяся к торговле или ремеслу. В то же время нам кажется нецелесообразным использование В. И. Даля термина «искусственные языки» для обозначения социолектов: условного языка офеней, арго, жаргонов, см. Предисловие к «Толковому словарю живого великорусского языка», главу «О языках искусственных» [Даль 1994]. По его мнению, указанные социолекты создавались волевым способом [Даль 1994: 17]. Но

Описание «искусственных языков» в словарях В. И. Даля

это не так: арго и жаргоны создавались стихийно, а в условных языках явно наблюдается два аспекта: стихийное и волевое, т. е. часть лексики условных языков действительно создана стихийно, а другая часть (с помощью маскировочных аффиксов, перестановки слогов, замены букв и др.) волевым способом. Можно также говорить о различии средств словопроизводства у искусственных и условных языков.

Отношение В. И. Даля к условно-профессиональным языкам бродячих ремесленников и торговцев было нейтральное, к арго – ироническое, как, впрочем, и у других исследователей социальных диалектов XIX в. (см., например, работу С. В. Максимова «Сибирь и каторга»), но в любом случае он считал их объектом лингвистического исследования.

В его «Толковом словаре живого великорусского языка» имеются лексемы других социолектов (жаргонизмы военных, купцов, школьников и проч.). Но это – уже материал для дальнейшего исследования.

Использованная литература:

- Грачев 1997 – Грачев, М. А.: *Русское арго.* Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1997. 246 с.
- Грачев 2001 – Грачев, М. А.: *Слово о Владимире Дале.* Владимир Даль и современная филология: Материалы международной научной конференции 22–23 ноября 2001 года. Нижний Новгород. Том. I. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2001. С. 4–8.
- Даль 1984 – Даль, В. И.: *Напутное слово.* В. И. Даль. Пословицы русского народа. Сб.: В 2 т. Москва, 1984. Т. 1. С. 5–21.
- Даль 1983 – Даль, В. И.: *Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа.* В 2 т. Санкт-Петербург, 1983. 253 с.
- Даль 1935 – Даль, В. И.: *О наречиях русского языка. Толковой словарь.* Москва, 1935. Т. I.
- Даль 1850 – Даль, В. И.: *Словарь офенского языка.* Рукопись. 1850-е годы. 157 с. Санкт-Петербург. Санкт-Петербургская б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд № 234. Ед. хр. № 8.
- Даль 1854–1855 – Даль, В. И.: *Словарь русско-офенский.* Писарская копия в переплете 1854–1855 гг. 162 с. Санкт-Петербург.: Санкт-Петербургская б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд № 234. Ед. хр. № 7.
- Даль 1860 – Даль, В. И.: *Словарь языка владимирских ходябищиков.* [1860-е гг.]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд № 234. Ед. хр. № 6.
- Даль 1860 – Даль В. И.: *Словарь языка шерстобитов (костромских и нижегородских).* Писарская копия в переплете [1860-е годы]. Фонд №234. Ед. хр. № 5 .

- Даль 1994 – Даль, В. И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Москва Terra, 1994. Т. I–IV.
- Даль 1842 – Даль, В. И.: *Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка*. Рукопись (беловая писарская копия). Отдел рукописей РНБ (Санкт-Петербург 1842). Фонд 234. Ед. 9.
- Максимов 1871 – Максимов, С.: *Сибирь и каторга*. Ч. I. Санкт-Петербург, 1871.
- Топорков 1990 – Топорков, А. Л.: *Из истории науки*. В. И. Даль. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка. Вопросы языкознания. 1990. №1. С. 133–137.
- Трахтенберг, В. Ф.: *Блатная музыка. Жаргон тюрьмы*. Под ред. и с пред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Санкт-Петербург, 1908.